

Катастрофы в истории российской государственности

Светлой памяти великого просветителя
Даниила Андреева (1906—1959)

Четыре великих национальных катастрофы пережил наш народ: в XIII веке под сокрушительными ударами чингизидов потеряли независимость древнерусские княжества; первой Смутой 1603—1613 годов были погублены государство и династия Рюриковичей; вторая Смута 1917—1921 годов покончила с государством и династией Романовых; третья Смута 1990-х годов развалила СССР.

Подобные катастрофы не редкость в мировой истории (ср. падение сефевидского Ирана в 1722 году; Османской, Германской, Австро-Венгерской империй в 1918 году; Японии в 1945 году. К другому ряду относится распад под натиском соседей Болгарии в 1396 году; Сербии в 1459 году; Чехии в 1618 году; великодержавной Швеции в 1718—1721 годах; Речи Посполитой в 1772—1795 годах).

Чем вызваны русские национальные катастрофы, каковы их общие черты?

На протяжении тысячелетней истории наша страна была автократией Рюриковичей — Романовых — «Советов». Монархия может играть и часто играет положительную роль в истории. Но эта форма власти сильно зависит от случайных черт личности и, в отличие от республики, легче разрушается. Деспотизм трех личностей русской истории — Ивана IV, Николая I¹ и Сталина, чья деятельность обозначила высшие точки развития российского великодержавия — предопределил три великие русские катастрофы. (Древняя Русь тоже погибла от тирании, но внешней, и ее катастрофа выходит за рамки дальнейшего рассмотрения.) Катастрофические срывы русской-автократии свидетельствовали, что она, во-первых, выбирала неверные внутренние и внешние политические цели и, во-вторых, не справлялась с историческими задачами, стоявшими перед Россией.

Геополитическое положение России на севере Евразии, с безопасным северным (а позже и восточным) тылом, с относительно слабыми соседями-соперниками, было несравненно благоприятнее, чем, например, государств Ближнего и Среднего Востока, Центральной Европы, Балкан или кочевых ханств Великой Степи. Несмотря на это, за четыре века произошли три тотальные катастрофы,

---

¹ Отметим, что автор видит глубинные причины второй Смуты — Октябрьской революции — именно в деятельности Николая I, а не последующих императоров.

Артамонов В. А. - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

вызванные прежде всего внутренними причинами. И это сближает нашу страну не с европейской, а с азиатской исторической традицией.

Уникальной миссией мирового масштаба России было заполнение своей особой цивилизацией пространств между западноевропейскими и восточными культурами в Евразии, а также сближение этих культурных кругов.

Европа уже в раннее средневековье была романо-германо-славянской, но часть славянства (поляки, хорваты, чехи) превратилась в периферию романо-германской культуры. В XVI веке духовная миссия России осознавалась современниками в идее «Москва — Третий Рим» (в XVII веке искаженной узкоправославным мессианизмом). Эта чисто православная идея, вероятно, появилась в России после падения Константинополя в 1453 году. Уже в 1492 году митрополит Зосима говорил о Москве, что это новый град Константинов, а московский государь Иван III — новый Константин². К религиозному содержанию этой концепции примешивался (сначала незаметно, а потом все сильнее) и политический смысл — распространение власти Москвы на соседние территории. В конце XIX — начале XX века многие русские историки, находясь под влиянием завоевательных планов российского самодержавия и русской буржуазии, только так и толковали содержание данной концепции.

Внутренняя и внешняя колонизации, территориальное расширение — всеобщее явление мировой истории. Защитой от внешних врагов и княжеских междоусобиц династия Рюриковичей завоевала большой авторитет в народе. Заслугой Ивана Грозного было то, что он опрокинул протянувшийся по восточной границе его государства барьер татарских ханств (остатки Золотой Орды — сильные Казанское и Сибирское ханства — серьезно осложнили бы ход русской истории; воевать одновременно на северо-западном, западном, южном и восточном фронтах было бы крайне тяжело). После этого казаки и крестьяне (но не государство и дворянство) поразительно быстро преодолели расстояние до Тихого океана (1645), появившись в Якутии раньше якутов, и включили в русский культурный круг необозримые пространства Северной Азии и Северной Америки (после 1741 года).

Казачко-крестьянская колонизация, включение «океана земли» в орбиту русской культуры, осуществлялись не крепостными рабами, а в первую очередь черносошными крестьянами Поморья³.

Напор психической энергии (по Л. Гумилеву, пассионарности), вызвавший такое беспрецедентное движение на Восток, сравним с завоеваниями древних греков при Александре Македонском, арабов в VII—IX веках и великими географическими открытиями европейцев XV—XVI веков, а также испанской, французской и английской колонизацией мира. Исключительно благодаря себе русский народ вышел на рубежи цивилизаций Востока — среднеазиатско-мусульманской, китайской и японской — к очагам древних мировых культур.

Доминантой любой «державности» (в западной историографии используется неточный термин «империализм» — ассирийский, древнеримский, османский, советский и пр.) является ставка на грубую силу и экспансию вплоть до завоевания мирового господства. Очень часто «державный аппетит» превосходит реальные возможности государства, что, в конце концов, подрывает силы нации, вырвавшейся за пределы разумных геополитических границ. Заморская экспансия оказалась не под силу Португалии и Испании; Литве и Польше не удалось «переварить» русские земли; наполеоновская Франция, гитлеровская Германия и императорская Япония также погубили себя чудовищно разросшимся аппетитом. Крушением закончились попытки установления «всемирной тирании» римскими императорами, монгольскими ханами, Тимуром, Британской и Французской колониальными империями.

² Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий. Концепция первого монарха. «Труды отдела древнерусской литературы». Т. 37. Л., 1983, с. 63.

³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века, М., 1971, с. 163—164.

В средневековой России Иван Грозный не обладал широким геополитическим кругозором. Вместо того чтобы поддержать народную колонизацию Сибири и совместно с Речью Посполитой и народами Кавказа покончить с единственным оставшимся в Европе после нашествия Батыев Крымским татарским ханством, вместо стимуляции культурных контактов с Западом он вступил в ожесточенную схватку с сильными европейскими соперниками. В результате этого в Европе вслед за страхом, порождавшимися нашествиями гуннов, викингов, монголов, османов, возник страх перед «московитами». Однако на деле «державная» сфера претензий московских царей, начиная с Ивана IV, не выходила за рамки православного круга Восточной Европы, Прибалтики, Прикаспия и Западной Сибири.

Гораздо более активно самодержавие проявляло себя на внутреннем «фронте». После установления режима чудовищного террора в 1564 году внутри страны господствовал еще больший страх, чем вне ее. Но опричнина вместо укрепления государства, на что надеялся царь, расшатала его основы. «Бесоподобные слуги», сознательно уподобляясь силам ада, «кромешной тьме» (черные одежды, метлы, собачьи головы), совершали зверские массовые погромы и грабежи населения. Неслыханные личные преступления главы государства подвели к концу династию Рюриковичей и предопределили эпоху кровавой Смуты, в которой погибло Российское царство. Смута 1603—1613 годов, так же как Смуты 1917—1921 и 1991—1993 годов, членият политическую историю России на разные эпохи. Внутри каждой из них автократия зарождалась, набирала силу, закаливалась в своей неслыханной мощи и позорно дряхла перед гибелью.

«Падение государств предвращается падением нравственности», — говорили древние. Изнасилованная Иваном Грозным страна, в свою очередь, «поднялась» на насилие. Патриарх отечественной исторической науки С. Соловьев указал на это как на основную причину первой Смуты: моральное разложение, «как наводнение, разлилось в высших и низших слоях»⁴.

Первый в истории России царь сам дискредитировал идею помазанника Божьего. Гражданская война на Руси в начале XVII века осложнилась вмешательством воинственного польского соседа, мечтавшего навязать Москве польскую династию и распространить католическую цивилизацию не только на Восточную Европу, но и на Азию, вплоть до Сирии⁵.

Самозванцы, банды польской шляхты, разбойные шайки, расплодившиеся в центре России, казачьи отряды, возрождавшие обычаи племенной «военной демократии», погрузили страну во всеобщий хаос. От «Российского царства» остался лишь клочок «Московского государства».

Возрождение страны началось с избрания новой царствующей династии — Романовых. Вопреки общепринятым схемам, правление первых трех царей новой династии — от Михаила до Федора — логичнее включать в «эмбриональный» императорский период. «На пути к империи» — так образно можно назвать эпоху 1613—1689 годов. Суть ее — в подготовке взлета, совершенного Петром Великим. Новое государство требовало новой морали. Благочестие царей Михаила, Алексея и Федора Романовых резко контрастировало с поведением Ивана Грозного.

В отличие от Ивана Грозного, Петр Великий показал России грандиозную перспективу выхода на просторы мировых океанов — Тихого, Атлантического и даже Индийского (подготовка экспедиции на Мадагаскар в 1723 году, персидские походы 1722—1723 годов — навстречу древним культурам Ирана и Индии).

По мысли гениального реформатора, для выполнения всемирной исторической миссии русский народ должен был выйти из изоляции, овладеть культурными богатствами не только Запада, но и Среднего, и Дальнего Востока, а Россия — войти в «шестерку» тогдашних великих европейских держав (Испания, Великобритания, Франция, монархия Габсбургов, Нидерланды, Османская империя). «Земли у нас много, нам нужно море», — говорил Петр I. Петровская

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. М., 1960, с. 388, 391.

⁵ Ogonowski Z. Z dziejow megalomanii narodowej. «Kultura», № 25. Warszawa, 1977, s. 5—6.

доктрина «выхода на моря» охватывала весь земной шар и не имела налета религиозности, подобно доктрине «Москва — Третий Рим». Отсветом последней в петровское время стали вспыхнувшие по стране огни самосожжений староверов.

Петр Великий дал такой импульс стране, что даже убожество его преемников на троне не могло задержать ее развития. И «золотой век» Екатерины II, когда Россия окончательно утвердила свой ранг великой державы, и героическая «гроза 1812 года» исторически восходят к «фундатору Отечества». Все войны России этого времени, в том числе и суворовские (с девизом «Мы русские, с нами Бог!»), можно считать исторически оправданными, ибо они ставили своей целью достижение Россией естественных границ — Прибалтики, Карпат, Причерноморья, Кавказа, Евразийской степи, Тихого океана. Эти границы, за исключением Карпат, были достигнуты в 1795 году. Перелом в русской военной истории происходит не в начале царствования Павла I или его сына, но во второй половине правления Александра I, когда был исчерпан петровский импульс и остался лишь мертвящий дух милитаризма, предопределивший военное отставание и поражения XIX века. С этого времени Россия вновь начала внушать, как ранее при Иване IV, страх Европе, где распространилась идеология русофобства. То же повторилось в гораздо более широких масштабах в сталинско-брежневскую эпоху.

Было бы ошибочно затушевывать насилия и жестокость Петра I. «Отец Отечества», расправившись с народными восстаниями, так придавил крестьянство, что оно долго не могло оправиться. Вполне вероятно, что самодержавная власть сознательно держала в нищете и дикости крестьян. Культивируя в них «безропотную покорность судьбе», долготерпение, удалось вывести породу послушных крепостных рабов, дисциплинированных и выносливых солдат, а в XX веке — выкачивать из народа средства на индустриализацию и военные нужды, не останавливаясь даже перед продажей зерна во время голода 1933 года⁶. Презрение к личности у самодержцев отзывалось отсутствием гражданского достоинства в народе, низким духовным потенциалом и слабостью творческого импульса.

Вера в возможность достижения прогресса посредством насилия прочно утвердилась в уме Петра I — «венценосного революционера» (и его духовных наследников после 1917 года). Дворянство, выведенное царем на ведущие позиции в государстве, было закрепощено пожизненной службой, а торгово-ремесленное сословие, на которое успешно опиралась королевская власть на Западе, так и осталось в неразвитом состоянии.

Преемники Петра I на российском троне, войдя в затяжное противостояние с Европой, в эпоху открытий новых континентов проявили политическую близорукость. В их глазах ценности обладания голштинским «пяточком» или воздвижения креста над Святой Софией в Стамбуле затмевали преимущества от освоения громады Сибири и Русской Америки. Германофильство, парадомания, страсть к муштре всех русских монархов от Петра III до Николая II, маньячная взбалмошность некоторых из них, сравнимая с поведением Ивана Грозного, показывали крайнее несовершенство русской наследственной монархии.

Увязнув в Семилетней войне 1756—1763 годов, Россия не смогла спасти от китайского геноцида Джунгарское ханство.

Бесталанные властители не понимали, что черноморские проливы не выведут к другим материкам, как не способны вывести к ним Польша, Средняя Азия или Кавказ. Завет Петра I пробиться через Иран к Индийскому океану и Индии был прочно забыт. Новые русские открытия в Тихом океане, даже предложения туземцев Гаваев, Новой Гвинеи, Суматры, кафров Южной Африки вступить в подданство России не привлекали внимания. Запоздалость повторного приобретения Приамурья в 1858 году (после безвольного от него отказа в 1689 году),

⁶ Артамонов В. А. Национальный характер и история. «Стили мышления и поведения в истории мировой культуры». М., 1990, с. 62—63.

Приморья в 1860 году, продажу Аляски в 1867 году, возникновение курильской проблемы можно объяснить все той же ориентацией исключительно на Европу⁷.

Бесконтрольность, импульсивность, гипертрофия великодержавия, военной силы, мертвящей тирании, отказ от культурной и экономической поддержки нищего крестьянства, составлявшего большинство населения страны, были одинаковыми как при Иване IV, Николае I, так и при Сталине. Державная сила при этих трех самодержцах не только подавляла церковь, гражданские свободы, личность и общество, но и приводила к психическому надлому нации.

В этих условиях нравственность в народных низах не могла совершенствоваться. Народ, изнемогавший от произвола, озлоблялся и поднимался на кровавые бунты. Террор разинцев в 1667—1671 годах, пугачевцев в 1773—1775 годах и «революционных масс» в 1905 и 1917—1921 годах превосходил все мыслимые жестокости. Хуже того, недовольные властью русские люди не считали аморальным искать помощи у внешних врагов государства.

Так было в 1571 году, когда «делегация» белевцев, калужан, каширцев, серпуховчан и галичан призвала крымского хана Девлет-Гирея повернуть на Москву, и столица была сожжена вместе с войском воеводы И. Вельского, отказавшимся дать бой перед Москвой⁸. Так было в 1606—1612 годах, когда части распавшейся страны противостояли друг другу и бояре не стыдились приводить поляков на захват столицы, а шведов — Новгорода и Пскова. Так было в 1917 году, когда «большевистское пораженчество» своей страны и собственной армии в войне стало навязчивой идеей большинства народа и армии. Так случилось в 1941 году, когда вермахту удалось неслыханное в истории русской армии количество пленных, часть которых перешла на службу во власовскую армию. В катастрофе 1991 года никто не защищал СССР, и великая держава рухнула в одночасье без сопротивления.

* * *

Суть «демона державности» проявляется в личности монархов: опричное беснование — в потерявшем человеческий облик Иване Грозном, стальная косность — в мертвящем взгляде Николая I, сатанизм — в кинжальной воле И. Сталина.

Раздутая державность и бюрократический аппарат давили и душили культуру. Власть чиновничества, всесилье цензуры, контроль над искусством и общественной мыслью, а также гуманитарными науками были характерны как для эпохи Николая I, так и Сталина.

После правления тиранов, непосредственно перед катастрофой, чередуются два типа властителей. Такие, как Федор Иоаннович, Василий Шуйский, Л. Брежнев, К. Черненко, выражают бессилие, ущербность, безволие и даже маразм «державности». Иные, как Борис Годунов, Александр II, Николай II, Н. Хрущев, М. Горбачев, искренно стремятся облегчить положение страны, модернизировать режим, но на прежних основаниях, что и служит причиной их неудач. Опасность движения по новому пути осознавалась лидерами, возвращавшими страну назад, к великодержавности, тем же Борисом Годуновым, Александром III, Брежневым в начале правления.

Затем начинался лавинный обвал — коррупция и распад страны прогрессируют от центра к периферии, — и никакие отчаянные попытки не могли его удержать. С черного дна поднималось половодье уголовщины и похоти, в котором тонули не только светлые идеи «Святой Руси», «Москвы — Третьего Рима», коммунизма, но и нравственность большинства нации. Паралич власти препятствовал даже сопротивлению антиправительственной пропаганде. Дискредитация,

⁷ Артамонов В. А. Геополитика России и «ближнее зарубежье». «Геополитика и безопасность». М., 1993, с. 85.

⁸ Загорский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991, с. 163—167.

порушение и унижение правительства доходило до предела — так было в 1610, 1917 и в 1991 годах.

От защиты власти отказывались даже те социальные слои, которые, как считала власть, были ей всем обязаны. Целые сословия оказывались исторически несостоятельными: в 1603—1613 годах — родовая аристократия, в 1917 году — дворянство (при незрелой буржуазии), в 1989—1993 годах — рабочий класс. «Класс-гегемон» не организовал в 1991 году ни одной контрманифестации в защиту Советской власти, так усиленно протезировавшей его с 1917 года. Правительство СССР в результате этого осталось без общественной поддержки, повисло в воздухе. (Рабочий класс США активно, в том числе и демонстрациями, поддерживал свое правительство, когда общественность Америки боролась против войны во Вьетнаме.)

Следующая за «фазой обвала» анархия, лютая война всех против всех, взаимоистребление и всеобщий хаос уничтожают государство. Катастрофа резко увеличивает социальную мобильность — вертикальную и горизонтальную, — благодаря чему происходит «смещение» сословий, усиление роли военно-служилых слоев общества — казаков, претендовавших заместить дворянство в XVII веке, армейские кадры в XIX—XX веках. Смена ценностных ориентаций и деградация культуры увеличивают смятение в обществе, хотя часть старой номенклатуры и часть интеллигенции переходит на сторону победителей.

Любая война, гражданская в особенности, деморализует общество. Последствия великих катастроф длятся веками. Повторявшиеся террористические рейды золотоордынцев задержали духовное развитие молодой русской нации и привели к синдрому «страха ордынцев». Возможно, из-за этого Русь, несмотря на Куликовскую победу, освободилась от монголов не в 1353 году, как Иран, и не в 1368, как Китай, а на век позже и платила дань крымцам до 1685 года.

Неслыханное со времен татарского ига унижение — вывоз бывшего царя В. Шуйского в Варшаву — показало, что первая Смута могла завершиться включением России в унитарную Речь Посполитую. Боязнь польского соседа оттянула помощь Москвы восставшей Украине до 1654 года.

«Красный террор» исключил вероятность каких-либо общественных массовых движений вплоть до 1988 года.

Нельзя не отметить общности тираний Ивана IV, Николая I и Сталина: милитаризация государства, зенит великодержавности, изоляционизм, недоверчивость и враждебность к Западу (и Востоку), ответная ненависть извне, физический террор (при Николае I — террор духовный), избивание военных кадров и «великие переломы» в жизни крестьянства (по образцу 1929 года).

Оцепенение, потеря духовности, всеобщая оппозиционность к власти, снижение морали в обществе — все это становилось признаками преддверия катастроф, как и военные поражения (в Ливонской войне 1558—1583 годов, в Крымской войне 1853—1856 годов, в Афганской войне 1979—1988 годов).

Природа «державного» экспансионизма одинакова во все времена для всех государств. Однако, вопреки буржуазной историографии, раздувавшей миф о «русской угрозе» чуть ли не со времен Ивана Калиты, экспансионистские аппетиты русских царей уступали в размахе экспансии испанских, португальских или английских королей. Лишь с 1917 года в России родилась глобальная идея Всемирной советской социалистической республики, но дальше Варшавы революционные войска все же не прошли. Пик советского великодержавия приходился на послевоенный период, когда выдвигались претензии на Синцзян и Маньчжурию, Босфор и Дарданеллы и даже на Аляску и когда (около 1955 года) монолитный социалистический лагерь охватывал пространство от Эльбы до Южно-Китайского моря. Тогда же, после победы в 1945 году, необычайно усилились военная мощь и великодержавность США, также начавших претендовать на мировое господство.

Как сильная и агрессивная Речь Посполитая в конце XVI — начале XVII века усилила катастрофу 1603—1612 годов, как жестокие удары Германской империи

в 1914—1918 годах стимулировали Великую Октябрьскую революцию 1917 года, точно так же противостояние могущественному американскому сопернику усугубилось моральными поражениями в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968 году, пограничными конфликтами с Китаем и др. Беспощадное давление США в «холодной войне» и безумная дорогостоящая гонка вооружений подорвали силы СССР, и вторая великая держава мира в конце XX века вернулась к границам XVI—XVII веков, и опять стали злободневными вопросы выхода на Балтику и Черноморье.

Смута нашего времени проходит в центре России пока не так тяжело, как в 1603—1613 и 1917—1921 годах. Но катастрофа нынешняя опаснее прошлых. В первую Смуту еще слабые мусульмане-тюрки и угрофинны России либо придерживались «нейтралитета», как казанцы, либо помогали русским войскам, а также Первому и Второму ополчениям освобождать Москву (1611 и 1612 годы).

В XVII—XIX веках и в начале XX века, вплоть до 2 марта 1917 года, символ евразийского «белого царя» объединял всех мусульман и инородцев, хотя после свержения легитимной монархии во второй Смуте 1917—1921 годов перед пантюркистами и панисламистами на просторах Российской империи уже замаячили миражи «Великого Туркестана», «Штатов Идель-Урал» и др. В последние годы удивительно быстро вызрели молодые «демоны державности» Украины, Молдавии, кавказских республик и Татарии, где снова поднимается вопрос о соединении всех татар Поволжья, Урала и Западной Сибири в одно государство.

Как всегда бывает в мировой истории, за развалом державы следует схватка ее преемников. Так было после падения Золотой Орды, после ухода англичан и французов из их колоний, так же идет процесс после развала СССР. Страна, резко ослабленная отделением Украины, созданием суверенных Татарии, Башкирии, Якутии, возвращается не только к противостоянию с Казанью и с Украиной за выход к Черному морю, но и должна считаться с уральским, сибирским, дальневосточным и казачьим сепаратизмом.

Помимо этого произошел спад «витальной энергии» русских, дававшей высокий накал духа землепроходцам, героям-защитникам отечества, «святым отцам» и неистовым проповедникам, революционерам XIX—XX веков. Процесс укоренения русских на окраинах страны и сближения культур сменился их массовым оттоком из многих республик и «утечкой мозгов» на Запад.

Теперь на мировое господство претендует лишь одна сверхдержава — США. Наступление на поверженную страну не закончилось. Победивший американский «демон державности» не успокоится, пока не превратит Россию в послушного сателлита — дипломатическим воздействием на отделившиеся республики, экономическими подачками, пропагандой общества потребления, технотронной бездуховностью, «американизацией» быта. Диктат, а в будущем, возможно, и тирания США, замаскированные под космополитизм,— большая опасность для всех стран мира.

Каждая из великих катастроф и насильственных революций, уничтожавших существующую власть и разрывавших преемственность русской государственности, давали и дают великий исторический опыт нации. Приходится признать, что не только автократия, но и общество России не справились с задачами, выдвинутыми историей. Потрясения и травмированность народной психики растягивались на несколько поколений, задерживая развитие нации. На глазах у всех распадались, казалось бы, незыблемые «символы веры» в «помазанника Божьего» или в идеалы коммунизма. Не будь недоверия народа ко всем новшествам после ужасов первой Смуты, реформы начала XVIII века могли бы произойти раньше.

Трижды оказавшийся у края пропасти народ вынужден переоценивать свое место в мировой истории. Но все же выход из страшных катаклизмов в 1612 и 1921 годах (нынешний кризис еще не завершён) давал новую надежду, новую веру и новое историческое дыхание. Россия и ее автократия не гибли, а возрождались, как феникс из пепла. Это отличает периоды «смуты» в России от катастроф,

завершивших существование Древнего Израиля в 70 году н. э., Римской империи в 476 году, Византийской империи в 1453 году, Инкской империи в 1532 году.

После катастроф государственности для нашей страны начиналось время вынужденного ухода в самоизоляцию. Лишь через два с половиной столетия после батыевщины народ выпрямился и обрел себя в новом централизованном государстве Ивана III. Потребовался почти век (1613—1694) самоизоляции, чтобы Россия обрела имперскую государственность. Полтора-два десятилетия ушло в XX веке на становление сверхдержавы, перед которой трепетал весь мир и народ которой обладал верой в то, что он является мессией вечного и всеобщего счастья на Земле.

Возрождение государственности предвлялось не только возрождением нравственности, но и обретением новой идеи. Наш опыт показал, что даже тяжелейшие удары, направленные в 1708, 1812, 1941 годах в сердце России, не приводили к катастрофам, ибо рождалась и укреплялась идея новой державности, защищавшая страну. Переход от этой идеи к агрессивности, к экспансии и тем более к претензии на мировое господство всегда кончался провалом.

Но чем безбрежнее и возвышеннее свет духовной идеи, обретенной народом, тем больше она защищает и прославляет страну, родившую ее. Как писали наши литературные пророки XIX—XX веков, устремленность к преобразованию государств мира во всечеловеческое братство, воспитание «человека облагороженного образа» способны поставить Россию во главе духовного возрождения народов Земли.

© В. Артамонов, 1994